

---

Л. М. Грановская

ЗАМЕТКИ ОБ УСВОЕНИИ  
ИНОЯЗЫЧНЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ  
В XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В настоящей статье рассматриваются некоторые процессы, связанные с заимствованием цветообозначений в XVIII — первой половине XIX в. Под заимствованными цветообозначениями понимаются только такие, которые, независимо от значения, присущего им в родном языке, получили на русской почве собственно значение цвета: слова, от которых они были образованы, не употреблялись в русском языке для обозначения каких-нибудь реалий. Прилагательные же, образовавшиеся от основ заимствованных существительных, функционировавших в русском языке в качестве определенных названий, не относятся к этому кругу слов, так как значение цвета было ими приобретено в результате тех же семантических процессов, которые претерпевали образования от собственно русских и общеславянских наименований.

Это положение не распространяется на ряд наименований, которые имели в качестве соответствий определенные имена, но значение цвета в которых развилось не на русской почве, а было заимствовано извне.

Потребность в заимствованиях была различной на разных этапах развития русского языка. Словарные заимствования Петровской эпохи отражали нужду прежде всего в терминологических обозначениях и отвлеченных понятиях. Единственным заимствованием в области цветообозначений в это время было слово *пунцовый*, пришедшее из французского через польский язык<sup>1</sup>:

[Кафтаны] бархатные цвету *пунцоваго* («Дело Нат. Алекс.»); чехлы... *пунцовый* цвет (там же).

В середине и второй половине XVIII в. заимствуется много слов — наименований конкретных предметов. Если в XIV—XV вв.

---

<sup>1</sup> Н. А. Смирнов. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого. СПб., 1910, стр. 249.

основной пласт слов, обозначающих цвет, был взят из тюркских языков (*алый, таусинный, буланый, бурый, игрневый, каракочный, карий, мухортый, саврасый, чалый, чубарый, кармазинный, кумачовый, объеринный*), то на протяжении XVIII—XIX вв. почти единственным источником заимствования здесь служит французский язык. Русский двор, живший по образцу Версаля, получал предметы роскоши — ковры, драгоценные камни, ткани — из Франции. Вместе с названиями предметов заимствовались и наименования окраски, представленные во французском языке тонко и очень разветвленно<sup>2</sup>.

Многие наименования в XVIII—XIX вв. были усвоены через специальную литературу людьми определенных профессий, поэтому сфера употребления для ряда заимствованных слов была ограничена. Заимствованные цветообозначения в середине и второй половине XVIII в. появились прежде всего в областях, связанных с производством красок и красящих веществ, а также в описательной ботанике, химии, минералогии<sup>3</sup>, нуждавшихся в обозначениях, строго дифференцировавших цветовые оттенки. Номенклатура цветовых названий, представленная до XVIII в. в основном названиями чистых, ярких тонов, интенсивно пополнялась новыми обозначениями.

---

<sup>2</sup> «Непосредственно французское влияние началось с половины XVIII в., — пишет А. Соболевский. — В царствование Елизаветы оно было уже велико, а при Екатерине II громадно. В конце XVIII и в начале XIX в. весь двор и знать говорили по-французски» (А. Соболевский. Русские заимствованные слова. СПб., 1891, стр. 137).

<sup>3</sup> См.: И. Валерий. Минералогия, или Описание всякого рода руд. Пер. с нем. СПб., 1763; «Основательное и ясное наставление в миниатурной живописи». Пер. с нем. М. Агентов. М., 1765; «Открытие сокровенных художеств», ч. 1—3. Пер. с нем. М. Агентовым. М., 1768—1769; У. Ф. Брикман. Сочинение о драгоценных камнях. Пер. с нем. СПб., 1779; В. Левшин. Чудеса Nature. Пер. с нем. М., 1778; см. также «Наука составлять 12 сортов красильных туш». Пер. с нем. Платон Реган. М., 1795. Один из первых значительных трудов по красильному производству, «Красильщик» В. Левшина, был написан на основании труда Хоххеймера «*Neue chemische Farben-Lehre*» (на использование этого источника Левшин указал в своей книге «Красочный фабрикант». М., 1824, стр. 5). «Начальные основания естественной истории» (ч. 1—6. СПб., 1791) акад. Н. Озерцовского были написаны «по систематическому животным расположению Леске на немецк. яз. написанному». См. также «Словарь коммерческий», ч. I—VI. Пер. с франц. В. Левшина. М., 1790. Характерны также перечни латинских слов, означающих различные цвета и их оттенки, в лабораторных записях М. В. Ломоносова. Русский перевод дан лишь для немногих слов, что свидетельствует о бытовании иноязычных обозначений в практике научного общения (см.: Я. М. Боровский. Латинский язык Ломоносова. В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов. М.—Л., 1961, стр. 207). С 1804 г. стал выходить «Технологический журнал», в котором были представлены «сочинения от академиков, адъюнктов, почетных членов», а также «выбранные из лучших иностранных журналов и переведенные на Российский язык краткие известия о новых наблюдениях, опытах и открытиях во всех науках» (Предисловие к «Технологическому журналу» за 1804 год, т. I, ч. I, стр. 7).

Это поддерживалось еще и тем, что в середине XVIII в. в моду вошли блеклые, оттеночные цвета, для наименования которых в русском языке не было соответствующих названий. Сообразуясь с требованиями моды, красильное производство ввело в свою практику соответствующие блеклые красители, для наименования которых и были использованы некоторые французские обозначения. Усвоению этих слов способствовало и то, что первые книги по красителям были переводными, и в обозначениях красок и цветов авторам приходилось ориентироваться на иноязычные образцы. Из этой литературы названия цветов легко переносились в дамские салоны. Модные журналы и салонная литература<sup>4</sup> ярко отразили увлечение французским бытом, французской модой и обстановкой.

В это время появляются прилагательные: *бланжевый* (ср. blanc 'белый'), *жонкиллевыи* (jonquille 'дикорастущий нарцисс' и 'светло-желтый цвет'), *инкарнатный* (agne 'мясо', см. Lagousse, Dauzat), *капуциновый* (carusip 'монах'), *кармелитовый* (carmélite 'монахини-кармелитки' и 'бледно-коричневый цвет'), *колумбиновый* (colombin 'сизый'), *лиловый* (lilas 'сирень' и 'лиловый цвет'), *оранжевый* (orange 'апельсин'), *палевый* (paille 'солома'), *пунцовый* (см. выше), *пюсовый* (puce 'блоха' и 'темно-коричневый цвет'), *селадоновый* (Seladon — герой модного в XVIII в. пастушеского романа, носивший ленты голубовато-зеленого цвета), *фиолетовый* (violette 'фиалка' и 'фиолетовый цвет').

*Планжевое* косматое трико («Зап. Русск. музея», т. I); Обшлага, воротник и лацкены *бланжевые* («Описание мундиров»); Шляпки... с атласом *жонкиллевым* («Моск. Меркурий», 1803, № 10); Цвет... *инкарнатный* (Левш., Красильщик, ч. I); *Капуциновая* краска («Секретн. эконои.», ч. II); Получают *капуцинный* цвет («Словарь химич.», ч. II); Цвет *кармелитской* (Левш., Красильщик, ч. II); Малюют также *колумбиновым* ... баканом («Миниатюрн. живопись»); *лиловый* бантик на темно-русых волосах («Спб. Мерк.», 1793, № 1); *лиловая* лента («Магазин мод», ч. 3); Мундиры с *оранжевыми* отворотами («Сравнения путешествв.»); На сторонах шеи по *оранжевому* пятну (Паллас, Путешествие, ч. II); Перья имеет на спине синие и *палевые* под брюхом («Словарь натур. ист.», т. I); *перенковый* (цвет)<sup>5</sup>; штаны *пюсового* цвету («Зап. Русск. музея», т. I); *пюсовая* краска («Магазин изобр.», ч. 2); Цвета сходного с *селадоновым* (Левш., Словарь, ч. IV); Высушивают смешенную *селадоновую* осадку («На-

<sup>4</sup> См. «Наставление знатному молодому господину, или Воображение о светском человеке». СПб., 1778; «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для Дамского Туалета», ч. 1—4. М., 1779; «Модная книга», ч. I—II. М., 1789; «Магазин аглинских, французских и немецких новых мод». М., 1791; «Дамской туалет», ч. 1—3. СПб., 1791—1792 и др.

<sup>5</sup> См.: И. Г. Виталнус. Начальные основания красильного искусства, ч. II. СПб., 1824, стр. 252.

ука составлять 12 сортов туш»); книги, задернутые *фиолетовым* флером (Прево, Ист. странств.); *Фиолетовые* тюльпаны подмалевываются ультрамарином с кармином и белилами («Миниажурн. живопись»).

Появляются цветообозначения, состоящие из двух основ: *вердепомовый* — светло-зеленый, цвета незрелого яблока (*vert de pomme*), *грездолиновый*, букв. 'серый в полоску' (*gris de ligne*), *вердрагоновый* — цвета дракона (*vert dragon*), *брэнсолитеровый* (*brun-solitaire*), *орельдурсовый* — цвета медвежьего уха (*oreille d'ours*).

Верхушка *вердеповая*...; поле все *вердеповое*, древка желтая («Описание мундиров»); фрак *вердепомовый* («Дамск. журн.», 1829, № 42); [тафта] *грездолинова* цвета («Внутр. быт Русск. гос.», кн. 1); *вердрагонов* цвет («Наука составлять 12 сортов туш»); *брэнсолитеровый* цвет («Дамск. журн.», 1827, № 16); бархатное платье *орельдурсового* цвета (там же, 1831, № 2).

Одним из способов освоения заимствованных цветообозначений в описываемый период был перевод; особенно часто он практиковался тогда, когда цвет обозначался через указание на конкретный предмет. В ряде случаев, не находя непосредственных русских соответствий, переводчики прибегали к калькированию. Так появился целый ряд описательных определений, в большинстве своем весьма причудливых, доводящих до сознания «незамечаемые до того времени оттенки и смешения цветов»<sup>6</sup>. Перифрастичность, вообще присущая языку модников и петиметров<sup>7</sup>, нашла здесь свое яркое воплощение, гармонируя с общей изысканностью стиля.

Господствующей сферой подобного рода цветообозначений был салонный жаргон конца XVIII и особенно первой четверти XIX в. Некоторые из этих калек употреблялись и в специальной литературе, особенно по красителям, отражавшей требования моды и, следовательно, ориентировавшейся в какой-то мере на «модную терминологию», особенно в обозначении блеклых, неопределенных цветов, например:

Зелень *цвета гусяного кала* (Левш., Красильщик, ч. III); Цвет, называемый *грязь Парижская* (там же, ч. II); Желтый цвет ... сапожных отворотов *de revers de bottes ланьяго чрева...* (*ventre de biche*) (Виталиус, Словари)<sup>8</sup>.

Показателем того, что словосочетания этого типа являются кальками, может служить то обстоятельство, что авторами в

<sup>6</sup> А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I—II. Харьков, 1883, стр. 143.

<sup>7</sup> См.: В. Б. Шкловский. О дамском языке. В кн.: В. Б. Шкловский. Чулков и Левшин. Л., 1933, стр. 209—215.

<sup>8</sup> «Модные цвета... черный... и *le ventre de biche* — название, не переводимое нами по-русски из уважения к прелестным читательницам» («Москвитянин», 1841, № 2, стр. 677).

большинстве случаев указывается эквивалент, совпадающий по структуре с компонентами, составляющими собственно русское словосочетание, или даются какие-то указания на необычность русского слова.

В 1841 г. в статье «Названия цветов материй в XVIII в.» «Северная пчела» писала: «Страсть давать материям странные названия существует издревле. Было время, когда нежно-серый цвет называли *испуганною мышью*; темно-серый — *размышляющим о преступлении пауком*, зеленовато-серый — *влюбленною жабою* и т. п. После этих забавных и отвратительных названий прибегли к современным романам и происшествиям. Таким образом появились Трокадеро-ленты и Шотландская клетчатая материя à la Dame Blanche. *Голубая элодия* сводила всех с ума в то время, когда славился «Отшельник», это пресловутое произведение Виконта Д'Арленкура. Потом, когда принялись за идиллии и героические поэмы, нежно-серый цвет получил название *розового пепла*; появилась *нильская вода* и, наконец, материи цвета белого, смешанного с черным и отливающего в серый, дали название *бороды Абдель-Кадера?!!!* («Сев. пчела», 1841, № 196).

В качестве обозначения цветов в «модной» литературе употреблялись такие названия, как *сладкая улыбка*, *нескромная жалоба*, *заглушенный вздох*, *совершенная невинность*<sup>9</sup>.

В относящихся к первому десятилетию XIX в. письмах графа Б. П. Шереметьева, большого франкомана, было найдено сообщение о фасаде его дворца «цвета нимфы во время зари»<sup>10</sup>. Установить этот цвет при реставрации удалось с трудом: это был золотисто-розовый цвет, достигаемый смешением кирпича с белой известью<sup>11</sup>.

Большинство из этих названий не нашло широкого отражения в литературе; однако многочисленные факты их пародирования свидетельствует о том, что такой круг цветообозначений какое-то время бытовал в определенной языковой сфере. Использование такого рода цветообозначений — одна из тем сатирической комедии и журналистики конца XVIII в.<sup>12</sup> «Вопрос о моде, о ее причудах и влияниях был для XVIII века наполнен серьезным содержанием. Он был тесно связан с темой рабского подражания иноземным образцам и пренебрежения к национальной

<sup>9</sup> См.: М. И. Пыляев. Старое житье. СПб., 1892, стр. 102.

<sup>10</sup> Ср. у Л. Н. Толстого: Он был в темно-зеленом фраке, в панталонах цвета *cuisse de nymphe effrayée*, как он сам говорил (В. и м., I, I, III).

<sup>11</sup> Эти сведения любезно сообщены автору статьи кандидатом архитектуры доцентом Московского текстильного института С. С. Алексеевым, автором книг: «Цветоведение для архитекторов». Изд. ГОНТИ, М.—Л., 1938; «Декоративная живопись». Изд. Акад. архитект. СССР, М., 1949 и др.

<sup>12</sup> См.: П. Н. Берков. О языке русской комедии XVIII в. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1949, т. VIII, вып. I, стр. 34.

культуре»<sup>13</sup>. Высмеивая быт петиметров, комментируя всякие модные новшества, русская сатирическая литература великолепно пародировала тот своеобразный модный жаргон, «в котором обычная русская речь как бы растворена в бессмысленном нагромождении арготических терминов галантного быта, иноязычных, преимущественно французских, заимствований, калькированных слов и оборотов речи»<sup>14</sup>. Ср.:

Не донося еще синего своего кафтана, усмотрел я уже ее благосклонность к щеголю *цвета раздавленной блохи* («Сатирич. вестн.», VI).

[А н д р е й] 30 аршин сукна *цвету раздавленной блохи и парижской грязи* по 15 рублей аршин... [Пустон] Так дорого! [Я д о н]. *Раздавленной блохи?* ...[А н д р е й]. И *парижской грязи*, сударь? Какой цвет! Одно ево название обещает знатность. *Парижская грязь!* ах сударь! Слышите ли, как это громко! («Росс. феатр», ч. XXIII).

В ноябре 1776 года г-жа Н... явилась в опере в платье из небесных вздохов... на ней был надет чепчик верных побед, украшенный лентами *цвета потупленных глаз*... на плечах у нея была косынка *цвета новоприбывших особ* («Сев. пчела», 1844, № 196).

Необычайной пестроты калькированные названия цветов достигли в 20—30-е годы XIX в. Историк этого времени писал: «Отказались даже от однотонного белого цвета, заменив его разными другими цветами, которые, особенно к 20-м годам, окрестили самыми странными и невероятными названиями: *упавшей в обморок лягушки* (*grenouille évanouie*), *испуганной мыши* (*souris effrayée*), *влюбленной жабы* (*steraud amoureux*), *мечтательной блохи* (*puce rêveuse*) и даже *паука, замышляющего преступление* (*araignée méditant un crime*)<sup>15</sup>.

Вот некоторые материалы.

Щеголи носят фракки *бронзового или лондонского дыма* (*fumée de Londres*)<sup>16</sup> («Дамск. журн.», 1826, № 7); Цвета [жилетов]: *перловый ... горлицы* (*tourterelle*), *рождающегося чижика* (*serin naissant*), *испанского табаку, коринфского винограда* (там же, 1829, № 40); Молодые дамы носят шляпы — капоты... из плюша *цветом желтой рай-птицы* (там же, 1826, № 23); Много

<sup>13</sup> «История русской литературы», т. V. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 241.

<sup>14</sup> Г. О. Винокур. Русский литературный язык во второй половине XVIII в.— В кн.: Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 155.

<sup>15</sup> В. Верещагин. Женские моды Александровского времени. «Старые годы», 1908, № 7—8, стр. 486.

<sup>16</sup> «Тогда в моде на сукно был «цвет лондонского дыма». Я имел неосторожность покупать сукно под вечер в темной лавке и получил вместо *лондонского дыма* чуть ли не *бильярдной покрышки*» (И. Сеченов, Автобиографические заметки в Московском университете. М., Изд-во АН СССР, 1945, стр. 69).

нарядных платьев ... *цвета куропаткина глаза* (светло-красного) («Моск. телеграф», 1825, № 22); Отменные щеголи носят реденготы из сукна *цветом Русской зелени* (vert gusse) (там же, 1826, № 9); Отныне щеголь не может показаться утром иначе, как в реденготе *Наваринского дыма* (род темного цвета) и панталонах *Наваринского пепла* (мышинный цвет) (там же, 1828, № 8); Некоторые щеголи ездят верхом во фраке *цвета головы негра* (tête-de-nègre) (там же, 1827, № 8)<sup>17</sup>; Очень много атласных епанчей *цвету медвежьего уха*, то есть темного с красным отливом (там же, 1824, № 8); Что касается до цветов, то яхонтовый, старинный синий Королевский и *Норвежского моха* будут предпочтены («Дамск. журн.», 1829, № 20); Панталоны *цвета Балканской земли* (terre du Balkan) («Моск. телеграф», 1829, № 29); Являются ныне в платьях *цвета скороспелки* (там же, 1826, № 13); Темный цвет с золотым отливом называется *цветом Майского жука* (там же, 1830, № 8); Один из модных оттенков зеленого цвета называется *цвет змеиной кожи*: это почти тот же, который прежде называли *цветом Нильской воды* (там же, 1828, № 8); Шляпка *цвета Парнасской розы* (оттенок розовый с отливом на фиолетовый) (там же, 1830, № 1); Зеленый цвет с фиолетовым называется *бронзовая броня* (там же, 1820, № 22); Платье... *цвета розового Детей Эдуарда*<sup>18</sup> (там же, 1833, № 10); *Амазон цвета адского пламени* (flamme d'enfer)<sup>19</sup> (там же, 1830, № 8).

Составители книги «Русский костюм» приводят в качестве наименований цветов, бытовавших в 20-е годы, «цвет молодого нелинявшего попугая» и «голубиное горло»<sup>20</sup>.

К середине XIX в. использование такого рода сочетаний в качестве цветообозначений выходит из употребления; в художественной литературе этих лет они тонко пародируются.

Я заметил не более пяти штофных, и то неярких, юбок у стариков; у прочих, у кого гладкая серая или дикого цвета юбка, у других темносинего, цвета Adelaïde, vert de gris, vert de pomme, словом все наши новейшие модные цвета, couleurs jantaisie [цвета фантазии] были тут (Гонч., Фр. «Пал.», Русск. в Японии); Как теперь вижу красное платье, *цвету давленной брусники*, на жене директора гимназии (Герц., Зап. одн. мол. чел., 1); Он повалился в ноги князю так, как был: во фраке *наваринского пламени*

<sup>17</sup> См. у Стендаля: Пока Вы были в Нью-Йорке, окраска тильбюри изменилась; теперь в моде цвет, называемый *головой негра* (Стендаль. О любви.— Собр. соч. в 15 томах. М., 1959; т. 4, стр. 541).

<sup>18</sup> Бледно-розовый с лиловым оттенком. Установлено по картинке, приложенной к тексту.

<sup>19</sup> См. употребление аналогичного названия у Ю. Н. Тынянова в качестве одного из средств стилизации: Он был в длинном, *цвета московского пожара* халате («Смерть Вазир-Мухтара», гл. 1, 4).

<sup>20</sup> «Бальные туалеты 1827 года».— «Русский костюм. 1750—1830», вып. 1. М., ВТО, 1960, стр. 72, 142.

с *дымом*, в бархатном жилете, атласном галстуке (Гоголь, М. д., 2); Так этот галстук *аделаидина цвета*? — спросил я, строго поглядев на молодого лакея.— *Аделаидина-с*,— отвечал он с невозмутимой деликатностью.— *А аграфенина цвета нет?* (Дост., Село Степанч., II) <sup>21</sup>.

В результате непосредственных переводов с французского в русском языке появились новые прилагательные, называющие цвет по окраске предмета без ступени развития в слове качественного значения: *блошной* (франц. *rose*), *яблочный* (франц. *vert de pomme*), *ланий* (*biche*), *ноготковый* (*souci*), *трубочистный* (*couleur de gamoneur*). Основанием для причисления их к семантическим калькам служат в одних случаях факты их прямого комментирования соответствующими французскими цветообозначениями, в других — ограниченность сферы употребления, причем первоначально все они использовались исключительно в переводной литературе. Необычность, изысканность ряда наименований, вовлечение того круга слов, который на русской почве никогда не привлекался в качестве названий соответствующих цветовых обозначений, несомненно свидетельствует об их иноязычном происхождении.

Крашение в *блошинный цвет* особливим образом. Сему цвету принято у нас вообще французское название пюсовой (Левш., Красильщик, II); окрашение в *блошной цвет* (там же); цвет травяной, переходящий в ... *яблочный* (Севергин, Минералогия); Арбуз бывает темно-зеленого *яблочного цвета* («Правила о рисов. цветов»); *Ланий цвет* производится после алой вари (Виталиус, Красильн. искусство, II); Самые модные, новые цвета атласов ... *ноготковый* (*souci*) и *чижиковый* (*segin*) («Моск. телеграф», 1830, № 19); Имели бы успех в производстве цветов багряного, *ноготкового* (Виталиус, Красильн. искусство, II); Шляпки из бархата *трубочистного цвета* («Б-ка для чт.», 1835, т. VIII).

Пестрота цветообозначений создавалась за счет того, что в некоторых случаях одно и то же слово могло переводиться по-разному семантически и неодинаково оформляться морфологически, например *chamois* — «козиный» (употреблялось в так называемой «дамской» литературе) и «серновый» (в специальной литературе):

Продолжают носить шляпы бархату ... *козинаго цвету* («Дамск. журн.», 1826, № 1); *Цвет серновый (chamois)* светло-

---

<sup>21</sup> См. использование таких цветообозначений у А. Н. Толстого в романе «Петр Первый» как средство создания «колорита» эпохи: Княжны — в немецких робах со шлёпами: Наталья — в персиковом, Ольга — в зеленом, полосатом, старшая — Антонида — в робе *цвета «незабвенный закат»* (II, I, 3); Санька ... начала вертеть плечами, пышными юбками *цвета фрезекразе* (II, II, 3).



кофейный и светло-шоколадный, делаются также после алой вари (Виталнус, Красильн. искусство, II).

Французское *bleu-Raymond* передается как *блёреймон* («Дамск. журн.», 1826, № 3); *блэ-Раймондовый* (там же); *синераймондовый* («Моск. телеграф», 1826, № 4); *jaune paradis* передается как *цвета райской птицы* («Дамск. журн.», 1828, № 26); *цветом желтой рай-птицы* (там же) и *желто-райский* (там же, 1826, № 23); *jaune-girafe* передается как *желто-каamelопардовый* («Дамск. журн.», 1827, № 23) и *желто-жирафный* («Моск. телеграф», 1827, № 20).

Очевидно, описательные цветовые характеристики способствовали появлению на русской почве новых цветообозначений, представляющих по форме имена прилагательные, например *пламенный*, появившееся в связи с переводом франц. *flamme*, давшего на русской почве ряд описательных определений: *цвет адский огонь* («Москвитянин», 1829, № 24); *цвета адского пламени* («Моск. телеграф», 1830) О составе *пламенного цвета* краски («Открытие художеств», II); Производит *пламенную краску* («Наука составлять 12 сортов туш»).

Возможно, того же происхождения и цветообозначение *медвежий*: Фрак на нем был совершенно *медвежьего цвета* (Гоголь, М. д., I, V), хотя употребление его в этом примере обусловлено заданной портретной характеристикой.

Можно предположить, что семантическими кальками (с немецкого) являлись и очень многие из употреблявшихся в литературе по минералогии цветообозначений: *винный* (желтовато-красный), *вощаной* (оттенок желтого), *гиацинтовый* (красновато-желтый), *колбасный* (оттенок розового), *коралловый* (оттенок красного), *луковичный* (темно-зеленый), *медовый* (желтый, цвета меда), *меловой* (белый, цвета мела), *оловянный* (светло-серый с тусклым отливом), *печенковый* (темно-коричневый), *серный* (серый с желтоватым отливом), *спаржевый* (зеленоватый), *томбаковый* (бронзово-красный), *туманный* (оттенок серого цвета).

*Цвет винно-желтый* (Севергин, Начертание технологии, т. I); *Цвет вощаной* (Севергин, Система минералов); *Цвет между медовым и гиацинтовым* (Севергин, Минералогия); В Бланкенбурге находится род мрамору... называемого *колбасным* по сходству его цвета («Сл. коммерческ.», ч. 4); Он описывает его ... *кораллово-красным* (Брикман, Драг. камни); *Цвет из светло-луковичного* переходит в цвет горной яри («Технолог. журн.», 1818, ч. III, № 4); *Руда ... оловянного цвета* (Севергин, Словарь, т. I); *Цвет темно-печенковый* (Севергин, Система минералов); *Цвет... переходящий в серной* (Севергин, Словарь, т. I); *Агат со слоями спаржевого цвета* (там же); *Цвет томбаковый* (Севергин, Система минералов); *Яшма туманного цвета* (Брикман, Драг. камни).

Терминологическая лексика в этой области впервые была представлена в трудах акад. В. Н. Севергина, разработавшего первую в России систематику минералов и составившего первый минералогический словарь, а все последующие работы, уточнявшие и расширявшие эту классификацию, опирались на тот круг слов, который ввел В. Н. Севергин. По всей вероятности, он ориентировался на работы немецких ученых, первые из которых были переведены в России в 60—70-х годах XVIII в.<sup>22</sup> и в которых задолго до русских источников встречаем некоторые из закрепившихся в этой сфере слов, например *гиацинтовый, коралловый, печенковый*. Усвоению иноязычных наименований способствовало и то обстоятельство, что разработку рудного дела при Екатерине II в основном вели саксонцы, которые и привнесли в эту область множество своих наименований. Убеждает в этом и то обстоятельство, что многие из слов уже употреблялись в немецком языке для обозначения цвета: Honigfarbe, von der farbe des honigs (Grimm, т. IV); Kreideweiß, weiß wie Kreide (там же, т. V); Korallenfarbe, color corallinus (там же); Leberfarbe, dunkelroth und leberfarbe oder löwefarb (там же, т. VI).

Научная проза обычно использовала такого рода цветообозначения, а не приблизительные и нечеткие описательные цветовые характеристики.

Особый интерес представляет группа заимствованных в качестве цветообозначений несклоняемых слов: *кашу* (табачный цвет); *массака* (темно-красный цвет, иссиня-малиновый.— Даль, т. II); *мердуа* (желто-зеленый с коричневатым отливом); цвет мердуа «значащий гусиный кал, составляет смесь из желтой, зеленой и черной краски» («Сл. коммерческ.», ч. 2); *мордоре* (темно-коричневый с металлическим отливом); *помпадур* (розовый; в перечне оттенков красного по степени ослабления густоты и яркости тона краска помпадур располагается вслед за розовой)<sup>23</sup>; *шамуа* (франц. chamois, букв. 'серна'; очевидно, обозначало цвет, близкий по оттенку к телесному).

Появление таких слов в свое время рассматривалось как «противоречие законам русского языка», а употребление их — «как злоупотребление, узаконенное близорукими грамматистами»<sup>24</sup>. А. С. Шишков писал: «Французы выкрасят сукна и дадут

---

<sup>22</sup> И. Валерий. Минералогия, или Описание всякого рода руд. Пер. с нем. СПб., 1763; См.: И. Генкель. Руководство к химическому рудословию. Перев. с нем. СПб., 1775; И. Леман. Кобальтословие, ч. 1—2. Перев. с нем. СПб., 1778; У. Ф. Брикман. Сочинение о драгоценных камнях. Перев. с нем. СПб., 1779.

<sup>23</sup> См.: «Журнал мануфактуры и промышленности». СПб., 1825, № 8, стр. 48.

<sup>24</sup> Р. Ф. Брандт. Несколько замечаний об употреблении иностранных слов. «Изв. Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине», 1884, т. VIII, стр. 8—9.

цветам их названия: *мердуа*, *бу-де-пари* и проч. Как! и всё это должно потрясать язык наш?»<sup>25</sup>

Тем не менее число таких заимствований (и не только в области цветообозначений) было довольно велико, и в настоящее время они представляются далеко не архаическим явлением<sup>26</sup>. Следует отметить, что ряд слов, заимствованных в качестве цветообозначений, представляли собой имена существительные; следовательно, значение цвета передавалось опосредствованно, указанием на предмет, послуживший наименованием определенной окраски. Поэтому слова, оканчивающиеся на согласные, первоначально склонялись подобно русским существительным на твердый согласный:

Для мордоре и *помпадуру* бывает смешение только одной черной и одной ранжевой («Наука составлять 12 сортов туш»); Реденгот... из гроденапля *цвета Помпадура* («Моск. телеграф», 1832, № 8); Плащи... *цветом Лорда Байрона* (там же, 1825, № 23).

По мере все большего осознания этих слов как цветообозначений (без опоры на соответствующее название) исчезают и формы склонения.

Что касается прилагательных, оканчивающихся на гласный, то для некоторых из них (*кашу*, *мердуа*, *шамуа*) возможности употребления в форме русских прилагательных были с самого начала исключены:

Из синей, жёлтой, с малою прибавкою белил, выходят *мердуа* и оливковый разных теней (Левш., Красочн. фабр.); Ненарядные шляпки делаются... из атласа *кашу* и бархата сего цвета («Дамск. журн.», 1825. № 24); жилеты из материи *цвета шамуа* (там же, 1823, № 20).

Правда, в XIX в. мы встречаем образования типа *кашовый*, *шамовый* (казимировые панталоны... *шамового цвета*.— «Б-ка для чт.», 1834, т. III; белые вытравные фигуры по *кашовому* или по черному из синего сандала плюсу.— Оглоблин, Колористич. сб.), но такие прилагательные не закрепились в языке по причинам словообразовательным (искусственное усечение основы). Единственным цветообозначением, функционировавшим и как в собственно заимствованной форме, так и в форме русского прилагательного, было слово *мордоре* — *мордоровый* (*мордоревый*), причем в научных описаниях преобладало последнее:

*Мордоревый цвет* (Виталиус, Красильн. искусство, ч. III); ежели... опустят оное сперва в марionную баню..., то получает *мордоревые* цветы (там же, ч. II); цвет средний между *мор-*

<sup>25</sup> А. С. Шишков. Примечание на критику в «Московском Меркурии», ч. II, стр. 430—431.

<sup>26</sup> См.: А. И. Молотков. Есть ли в русском языке категории неизменяемых прилагательных? — ВЯ, 1960, № 6.

*дореевым* и темно-стальным (Севергин, Минералогия); цвета *мордореевые* («Поврем. изд.», № 8).

Займствование ряда цветообозначений привело к тому, что некоторые из них оказались дублетами собственно русских прилагательных<sup>27</sup>. Это положение распространялось большей частью на те цветообозначения, которые называли не переходные, оттеночные тона, а чистые и яркие, для которых в языке были соответствующие русские прилагательные.

Появление дублетов было связано с тем, что и русское и заимствованное слова обозначали цвет по окраске одного и того же предмета, ср.: *маковый* и *пунцовый* (франц. *ropseau* 'мак'), *соломенный* и *палевый* (франц. *raille* 'солома'), *мясной* и *инкарнатный* (франц. *saige* 'мясо'). Дублеты появлялись также и в результате семантического калькирования заимствованных цветообозначений. Возникшие таким образом дублеты поддерживались в языке тем, что специальная литература использовала преимущественно заимствованные обозначения оттенков цветов. Так, в результате заимствования, с одной стороны, и развития качественных значений в русских относительных прилагательных, с другой, в языке конца XVIII — первой половины XIX в. появились следующие дублеты: *белый* — *бланжевый*, *маковый* — *пунцовый*, *померанцевый* — *оранжевый*, *фиалковый* — *фиолетовый*, *соломенный* — *палевый*; в результате семантического калькирования: *вердепомовый* — *яблочный*, *пюсовый* — *блошной*, *шамуа* — *козиный* — *серновый*.

Интересно, что единство предметной основы в собственно русских и заимствованных словах с самого начала, по-видимому, не ощущалось. Уже во второй половине XVIII — начале XIX в. находим случаи использования русского и иноязычного вариантов в узком контексте:

Плод цветом *соломенный*, с одного боку зарумянивающийся, а с другого остающийся *палевым* («Магазин изобр.», ч. 2); Сие смешение дает цвета *фиалковый*, багряный, *фиолетовый*, лиловый, амарантовый (Виталиус, Красильн. искусство, ч. II). Тени мясного цвету... *бледно-инкарнатного* («Сл. коммерческ.», ч. III). Ср. также: Платье... с вышитою плоским шелком гирляндю *пунцового мака* («Дамск. журн.», 1829, № 4); букет *пунцовых маковых* цветов («Магазин мод», ч. 3); юпка лиловая же, на низу же оной нарисовано поле с колосьями, усеянное *пунцовыми маковыми* цветами (там же); *Фьялки* бывают... *темно-фиолетовые* («Миниат. живопись»).

<sup>27</sup> «В течение всего XVIII века прилив французских и немецких слов не прекращался, причем заимствовались не только слова, необходимые для выражения новых понятий в области техники и культуры, но также и такие, которые имели при себе в русском языке равнозначные или почти равнозначные синонимы» (А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941, стр. 93).

Отношения между русскими и иноязычными дублетами в значительной степени определялись сферами употребления. Заимствованные цветообозначения, имевшие дублет в той же сфере употребления, что и соответствующие русские, например в общелитературном языке (*оранжевый, пунцовый, палевый*), приобрели более широкое распространение, чем цветообозначения собственно русские (*померанцевый, маковый, соломенный*); заимствования в этом случае стали обозначать более широкую гамму цветов: *палевый* — вообще бледный (это слово могло обозначать всю гамму цветов от желтого до бледно-розового); *фиолетовый* — от лилового до темно-пурпурного<sup>28</sup>; *пунцовый* — «ярко-красный», «багряный», «червлёный с желтизной» (Сл. Нордстета, ч. 2, стр. 676; Сл. АР (1 изд.), ч. IV, стр. 1178; Даль, т. II, стр. 689; т. III, стр. 538).

Это обстоятельство связано с тем, что заимствованные цветообозначения не ассоциировались на русской почве ни с какими именными основами, с которыми были связаны соответствующие русские прилагательные и в которых значение цвета определялось окраской конкретного предмета. Иноязычные цветообозначения не возбуждали никаких посторонних представлений; преимущество их перед собственно русскими заключалось в их отвлеченности, в забвении внутренней формы<sup>29</sup>. Все они приобрели значения более широкие, чем русские прилагательные, связанные с названиями определенных реалий и имевшие значение более узкое и конкретное. Отсюда — широта лексических связей заимствованных слов.

Это положение распространялось и на те наименования, которые появились в результате калькирования. Так, прилагательные *пюсовый* и *вердепомовый* образуют свободные словосочетания с названиями тканей, одежды, ее деталей, в то время как *блошной* и *яблочный* употребляются только в специальной литературе в устойчивом сочетании со словом *цвет*:

Обшлага, воротник, и лацкены *вердепомовые* («Описание мундиров»); *фрак вердепомовый* («Дамск. журн.», 1829, № 42); Обшлага, воротник и лацкены *пюсовыя*, петлицы... с *пюсовою* полоскою по середине («Описание мундиров»); после того покрывается грунт краскою... голубою, *пюсовою* («Магазин изобр.», II); Молодые дамы носят тафтяныя *пюсовыя* платья («Дамск. журн.», 1826, № 19); *пюсовыя* чулки (там же, 1833, № 42). Ср.: *Яблочно-зеленый цвет* составляет среднюю тень между цвета гвоздичной травы и селадоноваго (Левш., Красильщик, III); крашение краппом в *блошной* или *пюсовой* цвет (там же, II).

Как уже сказано, русское и иноязычное цветообозначения

<sup>28</sup> Словари отмечают цвет, обозначаемый прилагательным *фиолетовый*, как «сине-багровый», «сине-алый». См. словарь Нордстета, ч. 2, стр. 845; см. также «Словарь АР» (1-е изд.), ч. VI, стр. 491; словарь Даля, т. IV, стр. 535.

<sup>29</sup> См.: Р. Ф. Брандт. Указ. соч., стр. 4.

ограничивались семантически, называя не один и тот же, а разные оттенки цвета. Так, *бланжевый* (франц. blanc 'белый') стало обозначать цвет, близкий к кремовому: цвет дровяной или *планжевым* называемый (Левш., Красильщик, II)<sup>30</sup>; *инкарнатный* менее интенсивный по окраске цвет, нежели *мясной*<sup>31</sup>.

В тех случаях, когда таких расхождений не было, дублиеты исчезали: слова, прикрепленные к узкой профессиональной сфере употребления, не обладавшие широтой лексических связей, выходят из употребления (ср. *ланий*, *серновый*, *блошной*, *ноготковый*). То же самое происходит и с цветообозначениями, сферой употребления которых была только «дамская» литература (ср. *пюсовый*, *вердепомовый*).

---

<sup>30</sup> В XVII в. оттенок, близкий к телесному, «бланжевому», обозначался прилагательным *санкирный*, которое к началу XVIII в. вышло из употребления.

<sup>31</sup> В перечне красок по степени густоты и яркости их тона *инкарнатная* располагалась между желтой и красной или розовой и красно-кармазинной (см.: «Словарь Натурального волшебства», ч. I. М., 1795, стр. 479; В. Левш и н. Словарь коммерческий, ч. III. М., 1790, стр. 372); *Мясной цвет*. Цвет густо-красный (Даль, II, 374).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
Институт русского языка

ОБРАЗОВАНИЕ  
НОВОЙ СТИЛИСТИКИ  
РУССКОГО ЯЗЫКА  
В ПУШКИНСКУЮ ЭПОХУ

---



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
Москва 1964